

УДК 81`246.2

DOI: 10.26456/vtfilol/2024.1.225

ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

Н. О. Золотова

Тверской государственный университет, г. Тверь

Двужычная личность рассматривается в контексте взаимодействия родной и неродной культуры, а также в отрыве от культуры изучаемого языка. Обсуждаются особенности языкового поведения двуязычной личности, оставившей след в мировой культуре. Делается вывод о том, что для современного носителя учебного билингвизма иностранный язык должен быть нормой, соотносимой с билингвальным статусом творческой личности.

Ключевые слова: *естественный и искусственный билингвизм, родная и неродная культура, языковая биография личности, учебная ситуация, иностранный язык*

Раннее усвоение двух и более языков накладывает определенную печать на все последующее развитие взрослого человека. При изучении языкового и неязыкового поведения индивида, владеющего несколькими языками, используют термины «двужычие» и «билингвизм» как обозначающие взаимозаменяемые, синонимичные понятия. Самого двуязычного индивида принято обозначать термином «билингв», при этом в его содержании может вкладываться разный объем представлений как о степени владения каждым данным языком у одного и того же говорящего, так и об условиях, в которых происходило овладение этими языками, а также и об отношении самого говорящего к «своим» языкам как результату овладения. Неопределенность толкования термина «билингв» обусловлена фактами реальной жизни, в которой носители билингвизма драматически отличаются друг от друга.

К параметрам, важным для описания билингвизма кроме уровня владения языками, обычно относят возраст, контекст усвоения языков, коммуникативную активность, степень родства языков и т.п.

Как феномен лингвистический билингвизм анализируется с точки зрения взаимодействия языковых систем с регистрацией отклонений от того, что предписано языковой системой. Психолингвистический подход к анализу этого феномена нацелен на моделирование процессов взаимодействия первого (родного) и второго (неродного) языка в сознании пользующегося ими человека. Вопрос об использовании индивидом двух и

© Золотова Н. О., 2024

более языков может быть рассмотрен также и в более широком контексте взаимодействия личности и культуры.

Статус билингвизма как нормы в современном поликультурном мире часто обсуждается с обращением к языковой биографии личности, в частности представителей русской культуры. В отечественной историко-культурной традиции наиболее яркие следы интеграции английской и французской культуры в русскую обнаруживаются в период XVIII – середины XIX вв. Влияние англomanии и галломании на определенные сферы русского дворянского общества, а также степень абсорбции английского и французского языков русским часто рассматривается на примерах из таких сфер, как философская и академическая среда, военная и государственная служба, литература и дворянское общество. В работе [5] рассматривается соперничество русско-английского и русско-французского билингвизма на русской почве в этот период времени: пик развития русско-английского билингвизма пришелся на 90-е годы XVIII в., а в начале XIX в. быть англomanом считалось уже неприличным. Война 1812 г. вернула прежнее положение русско-английскому билингвизму и несколько не повредила положению русско-французского билингвизма. В начале XIX века французская культура и язык стали неотъемлемой составляющей русской культуры, а два языка – французский и русский, часто взаимно заменяя друг друга, поделили коммуникативные сферы русского дворянского общества [Там же].

Таким образом, русско-французское двуязычие, преимуществами которого пользовались Пушкин, Тютчев, Толстой, Тургенев и другие, всегда рассматривалось как характерный признак времени, в которое создавалась великая русская литература. Наиболее яркие следы интеграции французской культуры в русскую обычно рассматривают на примере двуязычной личности А.С. Пушкина с обращением внимания на функциональное различие двух основных языков поэта.

Так, средством поэтического выражения у А.С. Пушкина по преимуществу выступает родной русский, в то время как французский используется поэтом в качестве «левополушарного» языка, т.е. языка логического рассуждения, что характерно и для многих его современников. Такую же вспомогательную роль для этого круга людей, по мнению Вяч. Вс. Иванова, мог играть и латинский. Итальянский, которым Пушкин овладел в последние годы жизни достаточно свободно, но как языком разговора или поэтического чтения, предлагается рассматривать как язык восприятия [4, с. 124].

Для Ф.И. Тютчева роль французского также выступает в качестве логико-рассудительного инструмента, который использовался в дипломатической, публицистической и политической жизни, в то время как русский оставался, как и у Пушкина, основным средством поэтического

творчества и повседневного общения вне салонов, во время пребывания на родине. Обращая внимание на опыт семейной жизни Тютчева, а именно на два его брака с немками, Вяч. Вс. Иванов делает предположение, что «по своей функции немецкий язык у него мог оказаться ближе к русскому, чем к французскому» [Там же, с. 125].

Особенности владения двумя и более языками представителей творческой элиты XIX в. как в отношении функционального статуса используемых языков, так и с точки зрения их влияния на художественное сознание авторов изучается современными исследователями на материале канонических текстов, а также эпистолярного наследия, мемуаров и других печатных источников.

В качестве источника сведений о многофункциональном использовании французского представителями русского дворянства может служить роман Л. Толстого «Война и мир», в котором персонажи говорят на разных языках. Как отмечал В. В. Виноградов, в романе русский язык «сталкивается и смешивается с французским. Это двуязычие свойственно не только стилю документов эпохи и системам диалогической речи, но и самому авторскому повествованию. Толстой видел в этом двуязычии симптом стилистической достоверности исторического романа, залог его соответствия стилю изображаемого времени и воспроизводимой среды» [2, с. 123].

В XX в. «противоборство» английского и французского на русской почве завершилось победой английского языка, которой способствовали процессы глобализации.

Наиболее известные носители русско-английского двуязычия середины и второй половине XX века это В. Набоков и И. Бродский, фигуры которых, самым фактом своего двуязычного существования были обречены на сопоставление. Однако, Бродский открещивался от такого сопоставления, на том основании, что для Набокова английский – это практически родной язык, на котором он говорил с детства, в то время как Бродский был рожден «не для того, чтобы знать этот язык, но как раз наоборот – чтобы не знать его» (цит. по: [6]). Поэтому для него английский – это его «личная позиция», «удовольствие от писания по-английски» и «дополнительное удовольствие – от чувства несоответствия», т.е. бесперспективности опыта изучения английского в школе [Там же].

После десяти лет пребывания за пределами России И. Бродский в одном из своих интервью рассуждает о ситуации «неизбежного двуязычия», в котором он оказался. Рефлексия поэта над собственной двуязычной ситуацией отталкивается от признания того факта, что «двуязычие – это норма». «Двуязычие не надо рассматривать как негативное явление», – отмечает Бродский, ссылаясь на старую добрую традицию, существовавшую в России.

Преимущества двуязычия для себя Бродский формулирует следующим образом: «Два языка как бы играют друг с другом. Между ними происходит интерференция, традиции сталкиваются друг с другом, а я это использую, эксплуатирую» [1, с. 197].

Первоначально функции языков традиционно были закреплены у Бродского за поэтическим творчеством (русский) и эссеистикой (английский). Однако вскоре роль английского расширяется и появляется практика автопереводов и оригинальных стихов, написанных сразу по-английски. Поэт и переводчик В. Куллэ, исследователь творчества И. Бродского, анализируя его англоязычное наследие, полагает, что навык остранения, необходимый для поэта, коренится в самой природе английского языка, главное качество которого «не *statement*, то есть не утверждение, а *understatement* – отстранение, даже отчуждение... взгляд на явление со стороны» [6]. Этот «изумленный взгляд на вещи со стороны», характерный для английской литературы, оказывается настолько близким Бродскому-личности, что «эксплуатируется» Бродским-поэтом в собственном творчестве, в том числе и англоязычном.

Сам поэт подчеркивает, что обратился к иному языку не «по необходимости, как Конрад», не «из жгучего честолюбия, как Набоков» и не «ради большего отчуждения, как Беккет», – но исключительно из стремления «очутиться в большей близости к человеку, которого... считал величайшим умом двадцатого века: к Уистену Хью Одну» (цит. по: [6]).

Рассматривая двуязычие как принадлежность собственной личности, Бродский оценивает его интегративную природу с точки зрения творческого потенциала: «Если бы я был поставлен перед выбором: использовать только один язык – русский или английский» – я бы просто сошел с ума» [Там же].

Мысль о двуязычии как факторе интеллектуального раскрепощения развивается у М. Эпштейна, который определяет языковую свободу как свободу выбирать язык для выражения тех или иных мыслей, и более того, как свободу мыслить об одних и тех же предметах на двух языках, «мыслить стереометрически» [9].

Языковая компетентность как один из параметров, с помощью которого осуществляют научное описание феномена двуязычия, соотносится с его определением, которое обозначает (полноценное) владение двумя языками на одном (высоком) уровне. В реальности такой тип двуязычия встречается не часто, что подтверждается исследованиями особенностей языкового поведения двуязычной личности, оставившей след в мировой культуре.

Если рассматривать двуязычие не в терминах языковой компетентности, а с точки зрения употребления языка, то билингвом (носителем двуязычия) следует считать человека, нуждающимся в употребле-

нии двух и более языков в повседневной жизни. В большинстве языковых сообществ мира употребляется более чем один язык, так что в этом смысле около половины населения земли можно признать билингвами [6, с. 32]. Таким образом, двуязычный индивид в современном мире, претерпевающим процессы глобализации, представляет собой обыденное явление.

В то же время, активные миграционные процессы и другие политические факторы являются причиной того, что значение, которое стоит за термином «двуязычие» облекается «ореолом социальных проблем», становясь при этом более размытым. Этому способствует, в частности, «полуязычие», возникающее как следствие «полукультуры». Полукультура, в понимании Р.М. Фрумкиной, это не недостаток некоторой «вообще-культуры» или знаний. Это конфликтная ситуация, в которую попадает личность в результате слома традиции [8, с. 165–166].

На риски «двойного бытия» при нахождении на границе культур указывает и М. Эпштейн, предупреждая, что возможность двуязычия может легко обернуться «полузнанием чужого языка и полузабвением родного» [9]. Хорошо известны «не только образцы сильной речи, чьи выразительные средства удвоены скрещением языков, но и примеры ополовиненной речи, жаргонной смеси, где от обоих языков остаются только обломки их катастрофического столкновения. Переходя границу между культурами, легко застрять в ничейной полосе, где ни одна из культур не оставила ничего, кроме мусора и отходов» [Там же]. Сложно говорить о развитой языковой личности билингва, если он утратил прежние языковые стереотипы, но не приобрел эффективные новые. И, тем не менее, «сами ошибки – системные, социальные, профессиональные, карьерные, лингвистические, церемониальные, – которые мы совершаем при переходе из культуры в культуру, при переводе с языка на язык, могут выполнять роль творческих мутаций» [Там же].

Кроме этнических и политических факторов, обуславливающих «новую волну» распространения двуязычия в мире, следует обозначить и возросший статус искусственного билингвизма, т.е. такого типа двуязычия, при котором второй, неродной язык усваивается в отрыве от культуры изучаемого языка в учебной аудитории. Интерес к носителям этого типа билингвизма – учебным билингвам связан в настоящее время с востребованностью индивидов, владеющих двумя и более языками, в профессиональном поле.

Рассматривая вслед за А.А. Залевской [3, с. 106–107] отличия естественного (в том числе бытового) от искусственного (учебного) билингвизма, которые формируются в разных условиях, обратим внимание на превалирующую для каждой ситуации специфику процессов, протекающих в сознании индивида, а также их результаты.

С педагогической и лингводидактической точек зрения результаты овладения неродным языком в искусственной среде оставляют желать лучшего. При этом наличие явных преимуществ, которые обеспечиваются учебной ситуацией, а именно: целенаправленность обучения, системная презентация языковых явлений, присутствие учителя-профессионала, работа над ошибками под его руководством, наличие специальных методов обучения и т.п. оказываются недостаточными, чтобы гарантировать успешную иноязычную коммуникацию.

Поиски причин такого положения вещей, заставляют обратить внимание непосредственно на самого субъекта, овладевающего неродным языком, на ментальные процессы, протекающие в его сознании, которые с психолингвистических позиций представляют собой «языковые контакты в индивидуальном сознании и подсознании» [3, с. 108].

Опираясь на психологические воззрения школы Л.С. Выготского, А. А. Леонтьев в свое время пытался отстаивать личностно-психологический подход к обучению иностранному языку, акцентируя внимание на главной задаче обучения: «не овладение языком как средством общения должно стоять в центре преподавания иностранного языка, но овладение им как “строительным материалом” картины мира или образа мира» [7, с. 339]. «На уроке иностранного языка мы занимаемся строительством нового образа мира или, по крайней мере, внесением определенных коррективов в имеющийся у нас старый» [Там же, с. 340].

На сформулированный вопрос «что мы преподаем, когда преподаем язык?» А. А. Леонтьев дает четкий ответ: язык как отражение социокультурной реальности. <...> Преподавать язык – значит, в конечном счете преподавать культуру [Там же]. Мысль Леонтьева о том, что «“чужой” язык не должен быть для нас чужим» [Там же, с. 342], как никогда актуальна в наше время. Для современного носителя учебного билингвизма иностранный язык также должен быть нормой, соотносимой с билингвальным статусом творческой личности.

Список литературы

1. Бродский И. А. Двужычие – это норма // Бродский И. А. Большая книга интервью. Москва: Захаров, 2000. С. 197–205.
2. Виноградов В.В. О языке Толстого // Литературное наследство. Т. 35–36. Л. Н. Толстой. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1939. С. 117–120.
3. Залевская А. А. Вопросы теории двужычия: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. 144 с.
4. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
5. Ковалева Т.В. Билингвизм в русской культуре XVIII – середины XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Т.В. Ковалева; Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2007. 25 с.

6. Куллэ В. Вступление [Электронный ресурс] // Иосиф Бродский. Blues. Törnfallat. A Song To My Daughter. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2013/1/blues-t-i-ouml-rnfallet-a-song-to-my-daughter.html> (дата обращения: 14.03.2024).
7. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. Москва: Московский психолого-социальный институт, 2001. 448 с.
8. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. Москва: Академия, 2001. 320 с.
9. Эпштейн М. Н. Амероссия. Двукультурие и свобода. Речь при получении премии «Liberty» [Электронный ресурс] // Гостиная. Литературно-художественный журнал. URL: <http://gostinaya.net/?p=8724> (дата обращения: 10.03.2024).

BILINGUAL PERSONALITY IN THE CONTEXT OF INTERACTION BETWEEN CULTURES

N. O. Zolotova

Tver State University, Tver

Bilingual personality is viewed in the context of interaction between native and another culture as well as in isolation from learning language culture. Peculiarities of bilingual personality language behavior who left the mark on world culture is being discussed. The author concludes that foreign language for modern educational bilingual should become the norm correlated with creative personality bilingual status.

Keywords: *natural and educational bilingualism, native and another culture, language biography of personality, educational situation, foreign language.*

Об авторе:

ЗОЛОТОВА Наталия Октябровна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка, перевода и французской филологии, Тверской государственный университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Zolotova.NO@tversu.ru.

About the author:

ZOLOTOVA Nataliya Ocyabrevna – Doctor of Philology, Head of the Linguistic Theory, Translation and French Philology Department, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Zolotova.NO@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.02.2024 г.

Дата подписания в печать: 01.03.2024 г.